

**Конституционно-правовая редукция
Устава государства Польского от 27 ноября 1815 г.
как части сингулярности законодательных актов
XVII – начала XX в. в системе источников русского права**

Целью работы является исследование Устава государства Польского от 27 ноября 1815 г. по вопросам конституционно-правовой редукции как части «сингулярности» законодательных актов XVII – начала XX в. в системе источников русского права. Предметом являются нормы, закрепленные в Уставе государства Польского от 27 ноября 1815 г. Для реализации цели в работе применялись общие и специальные методы познания, присущие философской, юридической, исторической наукам. Научная новизна заключается в том, что впервые с позиций «герменевтической семиотики» анализируется и исследуется Устав государства Польского от 27 ноября 1815 г, который юридически закрепил статус главы государства и выступил локальным квантом – «исходной частицей государственного права», фундаментом для создания и развития основных конституционно-правовых институтов в Российской империи; показал статус Государя Императора, в т. ч. неограниченный, чрезвычайно многообразный характер компетенции Царя, которая проявлялась в совокупности его ключевых полномочий по руководству и управлению государством и обществом в тех или иных сферах жизни; а также панорамную конструкцию законодательных полномочий Сейма – органа народного представительства, который не обладал правом законодательной инициативы, и др. Выводы, сделанные автором, позволили выразить свое видение и впервые предложить исследовать этот акт с позиции «правовой сингулярности», но как ее части, так как исследуется в силу рамок и объема статьи один акт.

Ключевые слова: Устав государства Польского от 27 ноября 1815 г.; законодательный акт; закон; правовая сингулярность; конституционно-правовая редукция; конституционно-правовой институт.

В XIX веке произошли масштабные события, связанные с реформированием всей государственной машины. В этой связи законодатель начинает понимать и видеть государство в другом свете. В первую очередь это связано с реформами на Западе. В этих условиях в Российской империи начинает формироваться ядро общественных отношений, которые постепенно преобразовывались в будущую самостоятельную отрасль конституционного права, которое следует назвать ядром. Это ядро, подобно гравитону [5, с. 473] (это слово взято из квантовой механики [Там же, с. 172]), в силу объективных причин начало притягивать к себе сходные по своей структуре (и заряду) общественные отношения. Вокруг этого ядра и в самом его центре происходили колоссальные изменения в системе общественных отношений. Происходило формирование «кванта», т. е. комплекса норм права, регулирующих многочисленные общественные отношения, в частности в области управления государством и обществом в целом (в исследуемый нами исторический период времени). На наш взгляд, происходила «правовая сингулярность» [5] (под этим термином принято понимать сингулярность¹ в космологическом значе-

* **Айнибек Нуrolлаулы Сагиндыков**, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Сингулярность (от лат. *Singularis* – единственный, особенный): сингулярность в философии – единичность существа, события, явления (Национальная философская энциклопедия. – URL: <http://www.term.ru/dictionary/196/word/singuljarnost>).

нии данной категории, как «единство», которое создает процесс, подобный ядерному взрыву, описанный ученым-астрофизиком Стивеном Хокингом). На наш взгляд, благодаря «правовой сингулярности» была создана в дальнейшем отрасль конституционного права. Мы условно назовем это ядро и его квант «исходной частицей государственного права» [6].

В качестве примера приведем такой акт, как **Устав государства Польского от 27 ноября 1815 г.** Акт, определивший конституционно-правовые отношения главы Российской империи с другими субъектами государственной власти, «порядок и принципы отправления верховной власти». Акт содержал нормы, регулирующие прямо или косвенно не только деятельность главы Русского государства и его полномочия, но и порядок деятельности всех органов «верховой» государственной власти. Можно сказать, что этот акт юридически закрепил статус главы государства. Именно этот статус главы государства (эмпирически) выступал квантом «исходной частицей государственного права», фундаментом для создания и развития основных конституционно-правовых институтов в Российской империи. Об этом говорят следующие положения **Устава государства Польского от 27 ноября 1815 г.**

В соответствии с Титулом 1 под названием: «Государственные отношения Царств» – Царство Польское становится частью Российской империи, о чем гласит ст. 1: «Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи». Это положение, на наш взгляд, отрицает все доводы некоторых исследователей о том, что следует «...квалифицировать форму государственного правления в Царстве Польском как дуалистическую монархию» [3], тем более что Российская империя не могла иметь подобную форму в силу чисто абсолютистской монархической природы власти в ту эпоху. Одновременно исследователи обосновывают октроированность данного законодательного акта в спектре широких властных полномочий у монарха и либеральный характер Устава государства Польского 1815 г., ссылаясь на «такие факторы, как либеральные взгляды императора Александра I и его идеи о необходимости конституционных преобразований» [Там же].

Этой позиции придерживаются другие исследователи [1], и с этим трудно не согласиться, что показывает наше дальнейшее рассмотрение и выражение смысла лишь некоторых статей исследуемого законодательного акта в силу объема и рамок данной статьи.

В соответствии со ст. 2 «Гражданские и государственные отношения, в которые Мы его ставим, равно как узы, имеющие укрепить это присоединение, определяются настоящей Нами ему даруемой Хартией» все общественные отношения, и особенно государственно-правовые, регулируются «даруемой Хартией». Исходя из смысла ст. 3: «Корона Царства Польского наследственна в лице Нашем и Наших потомков, наследников и преемников в порядке престолонаследия, установленного для Императорского Российского престола», – только глава Императорского Российского престола мог возглавлять корону Царства Польского. В соответствии со ст. 4 Устав государства Польского определял порядок деятельности всех органов «верховой» государственной власти, «принципы отправления верховной власти», т. е. ее осуществления. Важные полномочия главы государства в области безопасности и обороны раскрывает ст. 9: только «Государю одному принадлежит право определять участие Царства Польского в войнах, каковы будут вести Россия, а равно в мирных или торговых трактатах, каковы могла бы заключить сия держава».

В соответствии с Титулом III «О правительстве», главой 1 «О царе» – только царь отправляет во всей полноте функции исполнительной власти и является основой Правительства, что отражено в ст. 35: «Правительство зиждется в Особе Царя. Он отправляет во всей полноте функции исполнительной власти. Всякая

исполнительная и административная власть исходит токмо от Него». Данное положение дает основание говорить о царе как о главе не только государства, но и исполнительной власти (что в современный период относится к полномочиям Президента РФ по формированию исполнительной власти и руководству ею). Далее ст. 36 определяла одну из важных гарантий деятельности царя, которая была его личной привилегией: «Особа Царя священна и неприкосновенна». А ст. 37 гласила: «Все государственные акты судов, палат и каких бы то ни было присутственных мест издаются от имени Царя. Монеты и гербовые знаки носят изображение, им определенное». Важные полномочия главы государства в области безопасности и обороны раскрывались в ст. 38: «Заведывание военной силой как в мирное, так и в военное время, а равно назначение командующих и офицеров принадлежат исключительно Царю» – только царь занимался назначением «командующих и офицеров» и руководил «военной силой как в мирное, так и в военное время», что корреспондировало с полномочиями, закрепленными в ст. 40: «Право объявления войны и заключение договоров и трактатов всякого рода принадлежит Царю» – только царь обладал правом «объявления войны» и «заключения договоров и трактатов всякого рода», т. е. речь шла и о полномочиях в области внешней политики и международных отношений. Вместе с тем ст. 37, 39 строго регламентировали, что только от имени царя издавались «все государственные акты судов, палат и каких бы то ни было присутственных мест...» и только он определял изображения на монетах и гербовых знаках, а также распоряжался «доходами Государства согласно составленному бюджету, одобренному Им».

Нормальное функционирование царской власти обеспечивало и право царя назначать «сенаторов, министров, членов государственного совета, референдариев, председателей воеводских комиссий, председателей и судей различных судебных установлений, назначение коих принадлежит Ему, дипломатических и торговых агентов, а равно всех остальных должностных лиц по администрации или непосредственно своею властью, или при посредстве властей, Им на то уполномоченных», – что определено было в ст. 41. В настоящее время глава государства не обладает такими сверхполномочиями. Неограниченный, чрезвычайно многообразный характер компетенции царя также проявлялся в совокупности его ключевых полномочий по разрешению вопросов государственной и общественной жизни, установленных ст. 42–47: 42. «Царь назначает архиепископов и епископов разных вероисповеданий, суфраганов, прелатов и каноников»; 43. «Право помилования принадлежит исключительно Царю. Он может отменить или смягчить наказание»; 44. «Учреждение, статуты и пожалование гражданских и военных орденов принадлежит Государю»; 46. «Царю принадлежит право возведения в дворянское достоинство, предоставление прав гражданства и почетных званий»; 47. «Все повеления и указы Царя контрастируются министром-начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного конституции и законам».

Четкий статус органов народного представительства закреплен в Титуле II «Общие гарантии» – ст. 31: «Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из Царя и из двух палат...» В историко-правовой науке есть мнение о том, что «...прогрессивный характер имела ст. 31, впервые в истории России в законодательном акте легально закрепляющая в четкой и безусловной форме принцип народного суверенитета». Ее дополняла ст. 86 Титула IV «О народном представительстве», которая устанавливала компетенцию Сейма: «Законодательная власть пребывает в Особе Царя и в двух палатах сейма...» Можно сказать, что де-юре принцип народного суверенитета приобрел формальный характер в этом законодательном акте, но де-факто говорить о независимости народа от «Верховной Самодержавной Власти в Госу-

дарстве Российском и Царстве Польском», на наш взгляд, не совсем корректно. В классическом понимании народный суверенитет определяют как обусловленную общей волей граждан данного государства неограниченную власть народа, которая реализуется во всех сферах жизни в установленных Конституцией и законами организационных и правовых формах. Содержание его, как справедливо считает большинство ученых [4, с. 21], составляют такие свойства власти народа, как единство, верховенство, полнота, неограниченность и неотчуждаемость, тогда как содержание большинства статей данного законодательного акта выдвигает на первый план «статус Царя». Это проявлялось в следующем примере: одновременно впервые в Российской империи был установлен институт бикамерализма, т. е. двухпалатная структура Сейма как органа народного представительства – «первая образуется из сената, вторая из послов и депутатов от гмин», – но особенностью являлось то, что он «состоял из Царя». Это убедительно свидетельствует о том, что во взаимоотношениях органа народного представительства и царя присутствовала жесткая соподчиненность, иерархия. Высшим законодательным органом народного представительства де-факто являлся царь. К его основным функциям относилось, в соответствии со ст. 87, 88, только «в срок, указанный в акте созыва, исходящем от Царя» собирать Сейм каждые два года в Варшаве. Продолжительность сессии Сейма была 30 дней. Исключительное право «продолжить, отсрочить и распустить его» принадлежало только царю, так же как и созыв чрезвычайного Сейма, «когда Он признает это нужным». Более полная и развернутая характеристика его исключительных законодательных полномочий закреплены далее в ст. 90–94 Титула IV. Но то, что Сейм был наделен широким и эффективным комплексом законодательных полномочий, – несомненно. Так, на обсуждение Сейма в соответствии со ст. 90–93 выносятся вопросы, которые «будут переданы от имени Царя государственным советом...».

Отметим, что конструкция законодательных полномочий Сейма четко устанавливала границы, т. е. в ст. 94 жестко регламентировала, что «Сейм не может заниматься ничем другим, кроме предметов, входящих в круг его ведения или указанных в акте его созыва», и конструкция закладывала основы института парламентской неприкосновенности в ст. 89, которая гласила, что «член Сейма не может быть взят под стражу, пока Сейм продолжается, ни судим уголовным судом, иначе как с согласия палаты, членом которой он состоит», что являлось средством защиты членов Сейма от произвольных арестов и преследования со стороны монарха, который нередко пользовался бесконтрольной властью в борьбе с нарождающимися демократическими процессами и парламентами.

В исследуемый исторический период времени конструкция законодательного процесса показывала (ст. 95): «Обе палаты совещаются публично. Они могут, однако, собираться в закрытые заседания по заявлению одной десятой части присутствующих членов». Вместе с тем четко закреплялся начальный этап законодательного процесса – внесение законопроектов на рассмотрение Сейма, но только «по повелению, усмотрению Царя», т. е. законодательная инициатива принадлежала царю, членам государственного совета, комиссиям – финансовой, законодательства гражданского и уголовного, законодательства органического и административного – ст. 96, 97: «Каждая палата извещает государственный совет об избрании означенных комиссий. Комиссии сносятся с государственным советом». Законодательная инициатива указанных субъектов права законодательной инициативы реализовывалась путем внесения замечаний, о чем гласила ст. 99. Следует также отметить, что только субъекты права законодательной инициативы в соответствии со ст. 100: «члены государственного совета в обеих палатах и члены комиссий в соответствующих палатах одни только» имели «право произносить написанные речи. Другие члены... [должны] говорить не иначе как по памяти».

А ст. 101 обозначает (в современном понимании) вторую стадию законодательного процесса – рассмотрение законопроекта Сеймом, которое, как правило, начинается с обоснования представителями субъектов права законодательной инициативы необходимости законопроекта, в конце обсуждения им предоставляется заключительное слово для анализа высказанных в ходе обсуждения предложений и замечаний. Затем разворачиваются прения, в ходе которых слово дается для выступления субъектам, указанным в ст. 100.

Статус обеих палат парламента, основы их организации и состав были определены в главах II, III исследуемого акта. Само расположение данных глав – сразу вслед за соответствующими Титулами, закрепляющими статус царя и органа народного представительства – Сейма, – указывает на значение представительной и законодательной власти, на ее место в системе верховной царской власти Российской империи.

С наибольшей наглядностью показаны статус и роль главы Государства Российского: в соответствии со ст. 110 главы II только «Царь назначает сенаторов. Их должности пожизненны. Сенат представляет Царю, при посредстве наместника, двух кандидатов на каждую открывшуюся должность: сенатора, воеводы или касателляна».

Таким образом, в ходе исследования с позиций «герменевтической семиотики» (т. е. авторского «толкования и выражения смысла») мы приходим к следующим выводам.

1. Конституционно-правовая редукция вышеназванных статей (85–110) (т. е. «вынесение за скобки обсуждения реального статуса» норм, закрепленных в исследуемом акте с учетом современного понятийного аппарата) наиболее ярко оттеняет конституционно-правовой характер отношений, складывавшихся между частью Российской империи, именуемой Царством Польским, и центром Российской империи – С.-Петербургом. «Содержание большинства положений показывает высокий уровень законодательной техники на тот исторический период. При этом Царь обладал достаточно широким кругом полномочий, тогда как Сейм, не обладая правом законодательной инициативы, мог лишь обсуждать законопроекты, вносимые царским правительством или Государственным советом и представлять петиции (прошения) императору. И только Царь имел право наложить вето на любой закон, принятый Сеймом. Вместе с тем, в соответствии со ст. 90, 91, на обсуждение Сейма представлялись все проекты гражданских, уголовных и административных законов, проекты изменения или замены предметов ведения конституционных установлений и властей. Обсуждению Сейма подлежали вопросы об увеличении или уменьшении податей, пошлин и государственных повинностей, а также о желательных их изменениях, о лучшем и наиболее справедливом их распределении, о составлении бюджета доходов и расходов, урегулировании монетной системы, о наборе новобранцев и др.» [1]. Следует согласиться с мнением, согласно которому «Устав государства Польского выполнил задачу упрочения власти Российского Императора в Королевстве Польском, Устав и связанное с ним Положение о выборах в Сейм были наиболее либеральными конституционными актами в Европе того времени. В Центральной Европе после 1815 г. Царство Польское было единственной страной, располагающей парламентом, избираемым прямыми выборами» [Там же].

2. В статьях 85–110 законодатель, на наш взгляд, лишь условно предоставлял соответствующему кругу лиц «право участвовать в управлении государством Польским» и «право избираться и быть избранными» и, в силу необъяснимых причин, законодатель не замечал изменений, происходящих в политико-правовой, социально-экономической областях жизни государства и общества других частей Российской империи.

3. Впервые предлагается проводить такие исследования с позиции «правовой сингулярности» (т. е. представить данный акт как часть совокупности законодательных актов Российской империи XVII – начала XX в., т. е. «единства актов» в системе источников русского права), поскольку Устав государства Польского от 27 ноября 1815 г. [2, с. 41–63] юридически закрепил статус главы государства, который выступил локальным квантом – «исходной частицей государственного права», фундаментом для создания и развития основных конституционно-правовых институтов в Российской империи; показал статус «Государя Императора», в т. ч. неограниченный, чрезвычайно многообразный характер компетенции царя, которая проявлялась в совокупности его ключевых полномочий по руководству и управлению государством и обществом в тех или иных сферах жизни; а также панорамную конструкцию законодательных полномочий Сейма – органа народного представительства, который не обладал правом законодательной инициативы, и др.

Литература

1. Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи, 1815–1830 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Ващенко. – М., 2000.
2. Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. 1815–1881. – СПб., 1907.
3. Пустовая Е. П. Конституционная Хартия Царства Польского как либеральный шаг в переустройстве Российской Империи // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2002&Itemid=120
4. Скуратов Ю. И. Система социалистического самоуправления советского народа (проблемы теории и практики конституционно-правового регулирования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1987. – 27 с.
5. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – 3-е изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1972.
6. Hawking S. W. The occurrence of singularities in cosmology, III. Causality and singularities. – Proc. Roy. Soc. – London : A300, 1967. – P. 187–201.

Ainibek Nurollauly Sagindykov,
Post-graduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**The Constitutional and Legal Reduction of the Charter
of the Polish State from November 27, 1815 as Part
of the Singularity of Legislative Acts of the XVII –
beginning of XX Centuries in the System of Sources of Russian Law**

The aim of this work is to study the Charter of state of Poland of November, 27, 1815 on constitutional and legal reduction as part of the legislative acts «singularity» in the system of sources of Russian law of the XVII – beginning of XX centuries. The subject is the norms enshrined in the Charter of state of Poland of November, 27, 1815. To achieve the objective of the paper the author used general and special methods inherent in the philosophical, legal, historical sciences. The scientific novelty lies in the fact that for the first time from the standpoint of a "hermeneutic semiotics" the statutes of the Charter of state of Poland of November, 27, 1815 were analyzed, which legally established the status of the head of state and acted as a local quantum – «the original particle of state law», the foundation for creating and developing the basic constitutional-legal institutions in the Russian Empire. The Charter showed the status of the emperor, including the Tzar's competences, unlimited and extremely diverse by nature, manifested in his key powers regarding the state management and administration and ruling different areas of the society life; as well as a panoramic view of the legislative powers of the Parliament – the body of popular representation, – which possessed the right of legislative initiative etc. The author ends with the conclusions expressing his position and, for the first time, offering to treat the legal act as «legal singularity», however, partly, because a single act was presented in the article.

Key words: the statutes of the state of Poland from 27 November 1815; legislation; law; legal singularity; the constitutional and legal reduction; constitutional law Institute.